

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ

Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ – КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, написанные по всем законам жанра:

В моей руке – гибель	ДНК неземной любви
Звезда на одну роль	Душа-потемки
Венчание со страхом	Тот, кто придет за тобой
Прощание с кошмаром	Демоны без ангелов
Темный инстинкт	Валькирия в черном
Все оттенки черного	Когда боги закрывают глаза
Зеркало для невидимки	Девять воплощений кошки
Врата ночи	Яд-шоколад
На randevу с тенью	Невеста вечности
Улыбка химеры	Колесница времени
Готическая коллекция	Падший ангел за левым плечом
Ключ от миража	Призрак Безымянного переуллка
29 отравленных принцев	Пейзаж с чудовищем
Флердоранж – аромат траура	Грехи и мифы Патриарших прудов
Молчание сфинкса	Созвездие Хаоса
Родео для прекрасных дам	Часы, идущие назад
Дамоклов меч над звездным тронем	Светлый путь в никуда
Рейтинг темного божества	Умру вместе с тобой
Прощай, Византия!	Циклоп и нимфа
Сон над бездной	Последняя истина, последняя страсть
Царство Флоры	Перекресток трех дорог
Предсказание – End	Имеющий уши, да услышит
Драконы ночи	Великая иллюзия
Black & Red	Коридор затмений
Пир на закате солнца	Мойры сплели свои нити
Три богини судьбы	Корень зла среди трав

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Улыбка химеры

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.
С79 Улыбка химеры / Татьяна Степанова. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-197198-4

Казино — это не только рулетка, это образ жизни. Катя Петровская, сотрудница пресс-центра УВД, и майор «убойного отдела» Никита Колосов убедились в этом, расследуя три убийства в казино «Красный Мак». Роковые страсти и роковые женщины, большие деньги и отчаянный риск, взлеты и крушения — все здесь сконцентрировано до предела, все на грани взрыва. Что за этими преступлениями — происки конкурентов, личная месть или ревность, а может, и того хуже — маниакальная одержимость? Версий, фактов, улик много, а разгадка криминальной шарады по-прежнему в тумане. И даже когда Никита и Катя вплотную приблизились к ней, они отказываются верить, что подобное возможно...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197198-4

© Степанова Т.Ю., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

«Кто убил кошку мадам Полласухер?»

Михаил Булгаков

«Собачье сердце»

Глава 1

МЕТЕЛЬ

Жизнь прожить — не поле перейти. Но в принципе это не смертельно. Прожить жизнь. Почти целиком. Не смертельнее, чем поставить в рулетку на два смежных номера, на чет или нечет, на красное или черное. Все зависит от Фортуны. Почти все...

Мысли о почти позабытом прошлом, смутные сомнения, горечь одиночества, яд несбывшихся надежд и незаслуженные обиды, острота переживаний и шмякающая тоска, пепельная грусть детства и перламутровые призраки юности — все это точно слепой вихрь кружит вашу голову на закате жизни в один-единственный, видимо, специально предназначенный и для воспоминаний, и для терзаний о прошлом день в году — 5 января. День, отделяющий потухший костер Нового года от едва еще теплящейся лампы Рождества.

А может, во всем виновата метель? Та, что бросает в стекла вашей машины пригоршни колючего снега и воет на дороге, наметая по обочинам сугробы. Воет как стая оборотней, как ваша родня на Николо-Архангельском кладбище у гроба вашего сына ровно сорок дней назад...

— Валерий Викторович, десять ровно. Вы радио хотели послушать.

Глеб Китаев, сидевший за рулем, покосился в зеркало на своего шефа и работодателя Валерия Викторо-

вича Салютова, устроившегося на заднем сиденье. Салютов не ответил, погруженный в свои мысли. Китаев включил магнитола. Шефу полезно услышать, если радиокорментаратор-всезнайка расскажет что-то новое по ЭТОМУ ДЕЛУ, прежде чем они приедут туда.

— А метель... Ну, прямо новогодняя, разыгралась. — Китаев кашлянул и умолк. Прибавил газа.

Да, метель... До Окружной еще несколько километров. А сейчас будет речка Глинка и горбатый мост через нее. Рассказывают, что в 73-м летом здесь произошла автокатастрофа. В воду с моста сорвалась свадебная «Чайка». Молодожены, ехавшие в ней из загса, погибли. Искореженную, но все еще увитую разноцветными лентами, увенчанную кольцами «Чайку» достали краном. Достали и труп водителя. А вот тела жениха и невесты так и не нашли. Их, наверное, унесло течением. Рассказывали, что жених был местный, а невеста из соседнего района и расписывалась в загсе уже на седьмом месяце.

Похоронить их так и не смогли. И с тех пор нет-нет да поговаривали, что молодоженов видели на мосту зимними вьюжными ночами. На беременной новобрачной все еще было подвенечное платье и рваная фата из нейлоновых кружев.

Вот и сейчас... На мосту в снежной мгле что-то мелькнуло — белое, туманное, зыбкое. Снег ударил в стекло. Метель...

Валерий Викторович Салютов отвернулся от окна. Слушал новости по радио. И не понимал ни слова. Мысль о том, что та девчушка, так неудачно загремевшая с моста в далеком 73-м, расписывалась в загсе на седьмом месяце беременности, странно щекотала сердце. Точно теплый душ. Маленький хрупкий беременный призрак Рублевского шоссе. Привидение... Салютов часто думал о нем. Почти каждый раз, когда ехал из Москвы домой, а из дома в Москву. Думал об этой давней свадьбе, об удалом пьяном шофере, о целующихся на заднем сиденье разубранной лентами

«Чайки» юных новобрачных, думал о выпуклом, обтянутом тесным белым платьем животе невесты, о еще неловких, но уже дерзко-отважных руках этого мальчика-жениха. Думал обо всем, кроме того, что скрывалось за словом «автокатастрофа». Потому что слово это с некоторых пор просто не задерживалось в его памяти. Все эти сорок дней оно ускользало от восприятия, улетучивалось как дым.

А может, все это только сон? Сон, что его сын умер? Погиб в такой же чертовой, проклятой, обозначающей этим же самым непроизносимым обжигающим словом, которое не что иное, как скрежет металла, визг рушащихся тормозов, языки пламени, черные хлопья сажи, изорванные свадебные ленты, вспыхнувшая как факел, пропитанная бензином подвенечная фата...

— А все же зря вы отказались сначала проконсультроваться с Маклаковым. Он калач тертый, дурного не посоветует.

Салютлов посмотрел на Китаева — подвенечная фата... О чем это он?

— Я говорю, Валерий Викторович, зря вы вчера ему не позвонили. Надо сразу было сказать о повестке...

И Салютлов подумал: вот чудеса. С некоторых пор самые простые человеческие слова и поступки ему надо самому себе переводить на некий, еще более упрощенный язык, чтобы понять, чего именно от него хотят. Вот и сейчас он сам себе переводит: начальник его службы безопасности Глеб Китаев говорит о том, что зря он сразу не связался с адвокатом Маклаковым, получив вот эту самую повестку к следователю прокуратуры на сегодня, на 11.30.

Что-то Китаев сильно тревожится по поводу этой повестки. Переживает за него, Салютлова? Переживает, что в такой день его шефа и работодателя будет долбать своими вопросами какой-то занюханый прокурорский буквоед? Кому приятно быть вызван-

ным в прокуратуру по делу об умышленном убийстве 5 января, когда костер Нового года уже догорел и покрылся золой, а лампада приближающегося Рождества еще едва-едва теплится. В день, когда исполнилось ровно сорок дней со дня смерти сына Игоря, в день, когда...

Впрочем, Китаев вряд ли способен на подобное сочувствие. Он просто обеспокоен. Ведь это убийство действительно преогромная неприятность. И даже если все они ни сном ни духом к ней не причастны, все равно это может весьма печально аукнуться всему бизнесу в целом и, в частности, отразиться на судьбе «Красного мака».

Следующее замечание Китаева Салютов не услышал — машинально прочел по губам, когда тот повернулся. Машинально кивнул. Да, да, ты, Глебушка, прав, адвокату Маклакову следовало позвонить, спросить совета. А сам в это время думал о том, что...

Ах ты, боже мой, какие мысли переполняют вас 5 января, в день сороковин по погибшему сыну, в день, когда вас вызывают в прокуратуру на допрос по поводу убийства хорошо знакомого вам человека!

Салютов думал о разном. О том, что в бильярдном зале «Красного мака» сегодня меняют столы. Он остановил свой выбор на классических моделях русской пирамиды «Империи» и «Фаворите». Сегодня их доставят и начнут монтировать.

Одновременно он думал и о том, отчего это народная молва приписывает призракам и привидениям такую дурную славу? И действительно ли во व्यюжные зимние ночи на мосту через Глинку может пригрезиться вставшая из гроба беременная невеста в рваной обгорелой фате? А еще он думал о Веронике-царевне, с которой провел всю сегодняшнюю трудную, бессонную ночь, которую просто физически не мог провести в стенах родного дома.

Вероника-царевна была дорогой валютной проституткой. Всю неделю до их свидания она загорала в

солярии, и кожа ее приобрела нежные оливково-атласные тона. Он провел у нее всю ночь. И она, как всегда, была на высоте. Но вот за минет потребовала отдельную плату. И за повторный минет тоже. И он заплатил не торгуясь. Он никогда бы не унился до того, чтобы торговаться с Вероникой-царевной.

Спустя четыре с половиной часа Салютов вышел из здания Генеральной прокуратуры. Миновал проходную, предъявив отмеченную следователем повестку дежурному милиционеру. Милиционер окинул его равнодушным взглядом и посторонился.

Салютов очутился на улице. Здесь, в центре Москвы, метель чувствовала себя такой же полноправной хозяйкой, как и на заснеженных полях за Окружной дорогой. Ветер, зажатый в переулках между Тверской и Петровкой, выл как в трубе. Салютов увидел свою машину, джип «Тойота-Крузер», полузасыпанный снегом. Ритмично работали «дворники». Китаев дремал за рулем.

Дальше проходной в здание прокуратуры его не пропустили, несмотря на то, что он предъявил документы начальника службы безопасности и личного телохранителя Салютова.

Завидев шефа, он вышел из джипа, предупредительно открыл заднюю дверь.

— Долго как вы, Валерий Викторович. Я уже прямо издергался весь!

Салютов сел в машину. Да, дергаться Китаев, да и все они в «Красном маке» начали три дня назад, когда в десять утра раздался тот телефонный звонок. И голос, хорошо знакомый Салюту, посоветовал включить телевизор, чтобы услышать последние новости.

Новость состояла в том, что на лестничной площадке возле своей квартиры этим утром был убит крупный (очень крупный) чиновник столичной администрации. Фамилия его была Салюту хорошо известна. Фамилию эту знали и в Москве, и в области

все, кто хоть каким-то образом был связан с развитием, расширением, лицензированием, инвестированием игорного, развлекательного бизнеса. От чиновника в этом бизнесе зависело многое, если не почти все. И человеком он был очень несговорчивым. И вот теперь его застрелили на пороге собственной квартиры, в доме на Набережной, когда он собирался ехать на службу. Убийце удалось благополучно скрыться.

— Много вопросов задали, Валерий Викторович? — осторожно поинтересовался Китаев, ожидая, пока «дворники» полностью очистят от снега ветровое стекло.

— Достаточно. Голова раскалывается. Таблетки нет? — Салютов протянул руку.

Китаев всегда возил с собой целую аптеку. Он не спросил Салютова: «А что конкретно интересовало следователя?» Передал лекарство, тронул джип с места.

Салютов откинулся на сиденье. Черт, сколько потрачено зря ненужных, пустых, лживых, уклончивых слов. А ведь всю их четырехчасовую беседу со следователем можно было уложить в три коротких слова: кто его убил? Что вы, Валерий Викторович, лично знаете по этому делу?

Но следователь, точно реактивный истребитель, заходил для атаки издалека. Задавал вопросы о том о сем, о жизни, бизнесе, «Красном маке», об отношениях вообще и в частности с чиновниками мэрии и администрации. О сложностях и трудностях, возникавших у Салютова с реализацией того или иного коммерческого проекта.

Следователь прокуратуры был на удивление весьма детально осведомлен о тонкостях их бизнеса. Создавалось впечатление, что он говорит всего лишь пять процентов из того, что знает и думает о жизни и бизнесе и самого Салютова, и тех, других, о которых он задавал вроде бы поверхностные, равнодушные и очень вежливые вопросы.

Лейтмотивом же всей этой словесной паутины было: кто все же убил этого человека? Кто?

Самое интересное заключалось в том, что Салютов точно знал: все эти вопросы не к нему. Он к убийству чиновника не имел ровно никакого отношения. Не заказывал, не нанимал, не платил, не стрелял. Не был, не состоял, не участвовал. Знал ли об этом следователь, трудно было сказать. Возможно, он подозревал и Салютова, включив его в так называемый проверочный список.

Однако за всю беседу он ни разу не задал Салютову ни одного прямого вопроса. Не упомянул и ту фамилию, которую...

Честно признаться, Салютов ждал, что фамилия эта вот-вот всплывет на допросе. И даже хотел, чтобы следователь наконец произнес: «А вот знаком вам некий Тенгиз Миловадзе? Не мог ли он иметь к этому делу какое-то отношение?»

Но следователь ничего такого не сказал. И Салютов промолчал тоже. Хотя, если бы это имя всплыло в разговоре, еще неизвестно (о, это было загадкой и для самого Салютова), как бы он повел себя, что ответил бы следователю. Но разговор так и не коснулся ни фамилии Миловадзе, ни его второго, более привычного уху Салютова имени — Хванчкара.

Беседа в просторном светлом кабинете старшего следователя по особо важным делам кружила, петляла, петляла, кружила. Может быть, во всей этой словесной круговерти тоже была виновата метель за окном? А может, просто еще не настало время для правды?

Правды, которая нужна была этому прокурорскому, если он, конечно, не притворялся перед собой, Салютовым и вышестоящим начальством.

— Куда теперь, Валерий Викторович? — спросил Китаев, выруливая на Петровский бульвар. — Домой?

— Давай только пообедаем сначала где-нибудь. — Салютов смотрел в окно. За стеклом ничего не было,

кроме тумана и снега. И еще колких для глаз пульсирующих огоньков. Это в окнах витрин зажигалась иллюминация новогодних елок.

Глава 2

РАДУЖНЫЕ ПУЗЫРИ

Дни между Новым годом и Рождеством похожи на радужные пузыри. Так отчего-то всегда представлялось Кате — Екатерине Сергеевне Петровской, в замужестве Кравченко. Уже не вполне будни, но еще и не совсем новые праздники. Время свободы, зимние каникулы: ранние фиолетовые сумерки, фонари, вспыхивающие за окном сразу после обеда, еще не разобранный елка, горячий чай с яблочным пирогом, метель...

Новый год Катя с мужем Вадимом Кравченко встречала на старой родительской даче под Москвой. Понаехали друзья-приятели с женами, с подружками. Елку нарядили во дворе перед домом, навалили целый полк снежных баб. Кравченко вытопил баню. И за два часа до Нового года все обитатели дачи мужского пола до обморока хлестались вениками в бревенчатой сараюшке, а потом с гиком и ревом, достойным доисторических предков, голяком сигали в сугробы у крыльца.

Катя на все эти излишества смотрела философски. И была в душе рада и гостям, и Новому году. Увы, среди удальцов, встречавших новый век в сугробе, не было закадычного друга детства Сереги Мещерского. На того под самый Новый год свалилась работа: турфирма «Столичный географический клуб», где он трудился в поте лица все последние годы, подрядилась организовывать новогодний экзотически-экстремальный тур в Индию и Тибет для воскресного журнала «Вокруг света».

О Сереге тепло и часто вспоминали за праздничным столом. Новогодний тост за «плавающих и путешествующих» вместе с прочими тостами сотрясал сте-

ны старой дачи, которая была явно тесна для собравшейся здесь удалой и раскрепощенной компании.

Но все закончилось. Праздник отшумел, отгулял, отхлопал фейерверками и петардами. Гости потихоньку протрезвели и расползлись по домам. А на улице повалил снег, заметая дачный поселок — крыши, дома, сараи, бани, наряженные во дворах елки, лес, озеро. Сквозь белую пелену ничего не увидишь, кроме своего отражения в окне.

Вадим Кравченко утром пятого января, с трудом (ох, и с каким же трудом!) восстав с супружеского ложа, отбыл на службу: состоять при теле своего бесменного работодателя Василия Чугунова. Дежурить сутки в качестве начальника его личной охраны. И после отъезда мужа Катя осталась на даче одна-одинешенька. Кравченко перед отъездом долго колдовал с АГВ, беспрестанно поучая Катю, как обращаться с газовой колонкой в ванне и что, «если тепла в батареях не хватит, недурно подтопить еще и печку».

Катя после его отъезда так и сделала. Натянув сапоги и пуховик, добралась вплавь по рыхлому снегу до поленницы, набрала дров, наколола топориком лучинок и щепок на растопку и затопила печку. И потом замороженно смотрела, как разгорается огонь, как пламя лижет березовые поленья, слушала, как гудит ветер в трубе.

Мысли при этом тихом созерцании витали коротенькие и простые. Катя радовалась, что новый год начался вот так хорошо, спокойно и уютно. Радовалась, что в доме тепло. Предвкушала, что впереди еще Рождество, которое они с Вадькой решили провести здесь же на даче, только вдвоем. Совершенно одни.

Кравченко, правда, возникал со вздорной идеей насчет катания на лыжах на крутом берегу замерзшего озера. Но Катя решила про себя, что это ничего. Лыжи — это пустяки. И обрывистый склон, и пни, скрытые сугробами, и прочая Вадькина спортивная блажь — все это такая ерунда по сравнению с тем, что они с

«драгоценным В.А.» будут все эти дни вместе и что в новом году в их доме все вроде начинается неплохо.

Еще Катя думала о том, что именно «драгоценный В.А.» напомнил ей о том, что сегодня как раз и наступит та самая Ночь под Рождество. И Катя вспомнила, как они в прошлом году зимой ездили «восстанавливать украинские корни» Кравченко: навещали его дальних родственников на Украине. Зима там была мягкой и снежной. И у «драгоценного В.А.» оказалось ну просто пропасть родни. И какие только города они не повидали за эти две отпускные недели — и Полтаву, и Миргород, и Кременчуг, и Киев, и Одессу. Именно на полдороге между Полтавой и Миргородом «по эту сторону Диканьки» Катя и узнала на собственном опыте, что таит в себе Ночь под Рождество. Их машина наглухо застряла в снегу. И если бы не тракторист, ехавший ночью по своим неведомым зимним делам и горланивший песни, им бы с Кравченко пришлось ночевать на дороге.

Результатом того славного рождественского путешествия стало то, что Катя выучилась у троюродной миргородской тетки Кравченко стряпать вареники в сто раз лучше покупных и на всю жизнь запомнила Ночь под Рождество как нечто непредсказуемое, загадочное и холодное.

И точно, ведь не предугадаешь, что стряется в эту ночь — то ли ваша машина забуксует в снегу, то ли черт украдет месяц с неба, то ли внезапно случится какая-нибудь этакая история, которую долго потом придется вспоминать, рассказывая ее Сереге Мещерскому, как всегда прозевавшему все самое крутое и интересное.

Легла Катя поздно. Все сидела у печки, мешала угли кочергой. За окном кружила метель. С соседней дачи, где до сих пор еще не разъехались новогодние гости, доносилась музыка из врубленного на полную катушку магнитофона.

А Катя разнежилась у печки. Ей было до такой степени хорошо, тепло и уютно на диване под клетчатым пледом, что невозможно было даже представить, что у кого-то в такую волшебную ночь могут быть какие-то неприятности.

Казалось, зимний мир улыбается сквозь метель всем и каждому, пуская радужные рождественские пузыри. И если бы Кате вдруг позвонили и огорошили сообщением, что сейчас, в эту вот самую минуту где-то убили человека, она скорее всего не поверила бы. И бросила бы трубку.

Глава 3

«КРАСНЫЙ МАК»

Дом в глубине соснового подмосковного парка светился сквозь метель яркими огнями. Салютов заметил огни еще с шоссе. Он возвращался домой, и впервые за этот день на душе его стало спокойно. В который раз он изумился и обрадовался впечатлению, которое производил Дом на всех, кто ехал по Рублевскому шоссе и смотрел налево — на эти яркие огни, на неоновую рекламу, на сверкающую иллюминацию, искусно вплетенную в снежную мглу сосновых аллей.

Он невольно вспомнил Лас-Вегас, в котором побывал пять лет назад, в свой первый приезд в Штаты, куда стремился, чтобы узреть своими глазами, потрогать, ощутить то, что так часто видел во сне и очень, очень редко в детстве в кино.

Красно-золотое неоновое панно на фасаде Дома Салютов придумал сам. Потом уже над ним трудилась целая бригада дизайнеров, художников, электриков и инженеров. Панно собирали по фрагментам на заводе в северной Калифорнии. На том самом заводе, который поставлял рекламное оборудование крупнейшим казино Лас-Вегаса. Панно вместе с доставкой обош-

лось в триста пятьдесят тысяч. Но Салютов ни разу не пожалел о потраченных деньгах.

Этот сияющий неоновый рисунок придумал он сам. Лично. Это была постоянно меняющаяся, текущая, как сверкавший водопад, картина: пестрая колода игральных карт, которые то раскрывались веером, то выстраивались в длинную извилистую ленту. В этой волшебной колоде преобладали бубны и черви. Туз парил как пурпурный раскрытый парашют, дама посылала зевакам воздушные поцелуи, а король червей щедрой рукой сыпал как из рога изобилия фишки и золотые монеты.

А затем разом все эти черви и бубны, ромбы и сердечки меняли свои очертания, превращаясь в алые степные маки, а потом сливались в один гигантский цветок с лепестками, напоминавшими мельничные крылья.

Этот салютовский главный рекламный щит на фасаде одобрили весь персонал Дома и вся семья. Один лишь младший сын Филипп высказался в духе того, что все это кич и сплошная дешевая лажа.

Но он всегда кривил губы, всегда все осуждал этот избалованный самодовольный мальчишка. «Дешевая лажа» — надо же...

Он даже не хотел вдуматься в то, что означает Красный мак на фасаде Дома для его отца. Не хотел понять, что это не просто рекламный фетиш, а могущественный талисман, некий неугасимый маяк, посылающий свои сигналы из далекого прошлого.

Салютов смотрел на огненный цветок, распускавшийся перед ним в ночной метели. Красный мак — герб его Дома. «Красный мак»... Так, именно так назывались духи, которые очень давно любила его мать. Запах которых и он сразу узнавал в детстве и в юности, потому что она любила их, потому что...

Мать умерла молодой в пятьдесят шестом от туберкулеза. Ему, Валерию Салютову, тогда было всего двенадцать. Он остался с тетей Полей — сестрой мате-

ри и отцом, хотя уже точно знал тогда, что этот человек, который зовет его «сынок», не его родной отец...

Глеб Китаев плавно свернул с шоссе на широкую расчищенную сосновую аллею и спустя минуту остановил машину возле подъезда позади темно-синей «Хонды» с открытой задней дверью. Возле нее топтался водитель-телохранитель Равиль.

Салютлов молча наблюдал из своей машины за пассажирами «Хонды». Равиль привез в «Красный мак» семью — домашних своего работодателя.

Марина Львовна — вдова старшего сына вышла из машины первой. Сюда она приезжала одна, без детей, внуков Салютлова. Следом при помощи водителя вышла и тетя Поля.

Салютлов смотрел на этот ветхий комок старческой плоти, укутанный в черную каракулевую шубу. Старуха тяжело опиралась на руку Равиля. У Салютлова сжалось сердце. Равиль нагнулся, достал из салона палку и почтительно подал ее Полине Захаровне. А затем медленно, очень медленно и осторожно повел ее к сияющему подъезду.

Салютлов знал, отчего его шофер ведет себя как поводырь: после гибели старшего сына Салютлова Игоря тетя Поля выплакала все глаза и почти ослепла. Она вырастила обоих сыновей Салютлова, как и его самого когда-то.

Салютлов наконец и сам вылез из джипа. Семья уже скрылась в вестибюле, за массивной дубовой дверью. А он все медлил на скользких, облицованных серым мрамором ступеньках. Повернулся спиной к неоновому панно, смотрел в глубину сосновой аллеи.

Всего еще только половина восьмого, это очень рано, потому что обычно жизнь в Доме начинала пульсировать, бить ключом с девяти-десяти. Сейчас же наступил тот сумеречный неспешный тихий час, который они — семья, близкие выбрали для того, чтобы тихо, спокойно, без истерик и слез снова вспомнить о своем горе — помянуть сына, который ушел, помянуть его в

том самом месте, которое во многом было его мечтой и делом его рук. Потому что — тут Салютлов хрипло вздохнул, чувствуя, что ему не хватает воздуха, — потому что, если бы не было старшего сына Игоря, не было бы, наверное, и «Красного мака».

Не было бы ничего.

Салютлов распорядился устроить поминальный банкет именно здесь, в Доме. Он приказал, и семья подчинилась. Приехала даже тетя Поля, которая за свои восемьдесят лет не бывала ни разу ни в одном казино. Не была даже здесь, в «Красном маке».

Бедная, бедная старая тетка Поля. Она всегда считала, что он, Валерий Салютлов, ее любимый племянник Валерка, насилует свой «светлый ум», занимаясь не тем, чем нужно. А «Красного мака» она просто не на шутку боялась. И сейчас, в свое первое посещение, даже не увидела по причине старости и слепоты, как Дом величествен, как прекрасен, как...

Господи, ну как же так получилось, как вышло, что только этот немощный человек, эта старуха связывает его, Салютлова, с прошлым? Что будет, когда она умрет? Умрет ли вместе с ней и прошлое, как почти умерло настоящее и будущее с гибелью его старшего сына?

Ведь есть вещи, которые, кроме него, знает лишь она, эта старуха. Например, то, что имя Валерий — не первое, что он получил в своей жизни...

До семи лет Салютлов знал о себе четко и ясно: его назвали в честь героя-летчика Чкалова. Имя выбрал батя, который тоже героически прошел всю войну командиром летной эскадрильи, под Кенигсбергом в воздушном бою был сбит, но выжил, вылечился в госпитале, обретя орден, медали, поврежденный позвоночник, заплетающуюся походку и костыли.

Салютловы жили в Одессе, все на той же улице, что и до войны, — в Лузановке. Тогда там был просто рыбацкий поселок. И дети в Лузановке и на всей дороге

Котовского выросли рано. Ведь только что кончилась война.

Случилась обычная уличная потасовка в игре, в которую сейчас не умеет играть ни один пацан. А тогда резались все от мала до велика. Игра звалась «пристенки», и он, Валерий, а тогда просто Валерка Салюттов, выиграл у старшеклассников тридцатку. Получил за выигрыш жесткий подзатыльник и кинулся драться. И тогда-то впервые услышал так резанувшее его слух презрительное: «Да чё ты вообще возникаешь, сопля немецкая? Весь поселок знает, что тебя мамаша-овчарка от фрица родила!»

Салюттов до сих пор (а прошло почти полвека) ясно помнил, как он тогда пришел домой. Пришел, ничего никому не сказав. Ему было восемь лет, он уже неплохо научился считать и четко знал: он родился в марте 44-го. Когда, и это тоже он знал точно по рассказам всей Лузановки, в Одессе еще были немцы. Мать не успела эвакуироваться, а отец воевал.

Вспомнилось ему и странное напряженное молчание, возникавшее порой между родителями, и тосливо-преданное выражение глаз матери всякий раз, когда она смотрела на отца. Преданное до иступления даже тогда, когда он приходил домой пьяным. И ее захлебнувшийся рыданиями крик, разбудивший его однажды ночью: «Да что же ты мучаешь меня? Ведь говорила тебе — освобожу, уйду и сына заберу! Не могу я так больше, не могу!» И звук пощечины — сухой и острый, и новый взрыв маминых рыданий, и звон разбитого флакона, который отец швырнул на пол! И запах тех самых духов, разлитых по полу, «Красный мак»...

После войны отец крепко пил, хотя его как инвалида и орденоносца на Одессе-Сортировочной, где он работал в профкоме локомотивного депо, почти не упрекали за это. Наверное, жалели.

А дома мать тоже терпела от него все.

Салютов, насколько он помнил, ничего никогда у нее не спрашивал ПРО ЭТО. Не мог. Не спрашивал и у отца. Но жадно слушал пересуды Лузановки, и подслушанная истина была простой и ошеломляющей одновременно. Мать его не успела эвакуироваться, как и многие жители Одессы. И чтобы как-то прокормить себя и стариков-родителей, пошла работать официанткой в немецкое казино.

Потом ходила, как говорили в Лузановке, с «позом». А в марте сорок четвертого родила. От кого именно — тут мнения расходились: то ли от немецкого обер-лейтенанта, которому стирала белье, то ли от итальянца-капрала, служившего в комендатуре. Он даже приезжал за ней в Лузановку на извозчике. А может, от румынского суперинтенданта, которого в Лузановке людская молва честила не иначе как «пьяной усатой бессарабской мордой».

Тысячи раз потом восьмилетний, девятилетний, десятилетний, двенадцатилетний Валерка Салютов стоял перед зеркалом и смотрел, смотрел на себя, ища в своем таком знакомом лице их черты.

А потом, много лет спустя, когда он стал уже взрослым, а мать умерла, Салютов решился заговорить об этом с единственным человеком, знавшим правду, — с тетей Полей, сестрой матери. Заговорил, называя вещи своими именами, грубо и безжалостно, допытываясь, кто же, ну кто же на самом деле был его отцом? Тетя Поля заплакала и сказала, что он не прав и что он никого не может судить. Что мать его действительно работала в казино официанткой, а там на русскую прислугу немцы смотрели как на завоеванную собственность. Тетя Поля клялась, что все это произошло в результате грубого насилия. Ну, конечно же, в результате насилия! А мать потом едва не сошла с ума, узнав, что беременна, и его, Салютова, когда он родился, называли совсем не Валерием, а... (А как? — спрашивал он. — Как?! Кто называл, отец?). Но тетя Поля